

“Голубая книга”, 89 (1980): общая кисть.

Двое идут не просто рука об руку, но еще ближе совсем тесно, с *общей* рукой. В общую руку кусает оса. Можно сказать:

1. У него моя боль
2. У нас обоих одна и та же боль
3. Его боль такая же точно как моя

Их со-чувствие физиологическое. Физиологическое сочувствие существует. Для него не обязательна сращенность рук. Случай с дочерью, 16-летней, коменданта Кремля.

Почему не всегда и не обязательно? Что вмешивается в физиологическое со-чувствие? почему возможна ампутация этой физиологии?

Обозначим этих двоих А, В. Мы *уже это* место “Голубой книги”, 1933/34, где разница между тремя пониманиями и формулировками объясняется как грамматическое различие, видим в свете “Философских исследований” часть II, XI, т.е. мы уже думаем о том, о чем человек сам при написании еще не думал, но что как-то иначе уже присутствовало, не могло не присутствовать в мысли 1933/34 года. В каком-то важном смысле то, что думает человек, не имеет хронологии.

А говорит, предположим: “Еще боль”. В говорит: “Еще боль”. Допустим, они это произносят. Выражение “еще боль” неповоротливо и неуклюже и вводит в заблуждение. У одного оно — “еще одна боль”, накатывание неизбежных несчастий, у другого — “еще боль”, но скоро уже она кончится, как неизбежно кончается всякая боль. Общность боли *не мешает* им видеть противоположно, — слышать противоположно это “еще боль”. Почему один видит так, другой иначе, когда боль, по-видимому, совершенно одинакова? Кто-то найдет причину в том, что А всегда был склонен смотреть на всё пессимистически, а В оптимистически. Это по существу значит только то, что эти вещи, назвать их пока условно можно полярностью или перевертыванием хорошего-плохого, начинаются очень рано. Действительно. Или они начинаются *совсем* рано, раньше сознания. Может быть, еще

раньше, чем выпадает любая другая полярность, даже мужского-женского.

Нарисуем круг на любой однородной поверхности. Пример на этот раз мой. Витгенштейн дает другие.

Так называемое “зрительное восприятие” этого круга у всех нас явно так же одинаково, — одинаково, как физиологическое восприятие укуса осы в общей кисти А и В. Различия остроты зрения, дающие разницу восприятия, скорее подчеркивают одинаковость восприятия: оно настолько *одинаково*, что учитывает даже такие нюансы. При полном физиологическом со-чувствии кто-то видит в этом круге остаток, кто-то выступ, наплыв. В одном случае как если бы пространство, которое можно представить себе бесконечным, было залито одной краской, предположим голубой, и оставался только этот островок, не занятый краской. В другом случае только внутри круга капнула или проступила, всплыла краска, а всё остальное пространство, которое можно представлять опять громадным, краской не залито. Лучше теперь от краски отвлечься и остаться при чистом пространстве, его массивности: или она завладела всем и оставила незанятым этот круг, или она заполнила круг, но дальше не пошла.

Имеет ли смысл говорить, что А видит в круге остаток, потому что предрасположен видеть остаток, а В видит выступ, потому что у него есть задатки, чтобы видеть выступ?

Вопрос скорее всего нерешаемый. Тогда обойдем его. Превратим вопрос о причине, по какой одни видят в круге остаток, другие выступ, и по какой я сейчас вижу в круге остаток, а в следующую секунду выступ, в вопрос о *возможности*: возможно ли в этом круге увидеть *другие* переходы?

Попробуйте сказать: нет, в этом круге никаких других его переходов (заметьте: переходов без всякого изменения круга или нас), кроме замеченного перехода остатка в выступ, выступа в остаток, заметить уже невозможно. Когда вы так говорите, круг уже в ваших глазах *делает* переход, именно переход в окончательное, фиксируется как такой раз навсегда.

Предположим кто-то говорит: надо запретить эту чушь, рисование абсурдных кругов на доске и трату мела. В круге ничего нет, кроме меловой черты, криво проведенной. — Это еще один способ видеть круг.

Можно сказать: у каждого есть поля опыта; опыт громадной давящей массы, заполнившей всё, кроме малого клочка, появляясь на переднем плане, помогает видеть круг как остаток; опыт авантюры, инициативного вторжения, подключает по ассоциации круг к выступу. Мы психологи.

Почему этого объяснения мало?

Потому что этот переход остатка в выступ мог случиться и не случиться, и он случился сейчас у нас между вами и мной, допустим благодаря мне и Витгенштейну, но возможно *другой* переход не случился, “вспышки” (Aufleuchten) не произошло (ФИ II XI)¹.

Вы помните, что мы условно назвали слово вспышкой и границей. Круг-остаток и круг-выступ появляются по способу “вдруг”, не постепенно; по способу “вспышки”. Я пока не скажу, что в переходе/повороте зрения мы прикасаемся к существу слова, но думать, что язык *не имеет отношения* к такому переходу/повороту, значило бы знать о языке больше, чем мы знаем. Останемся при этом чисто формальном обозначении *открытости* слова в сторону Aufleuchten и перехода, поворота.

Может быть, что тот *другой* поворот, который мы не заметили (а нет оснований думать, что количество поворотов зрения ограничено), открыл бы нам существо слова еще больше. —

Принято думать, что ситуацию, даже очень сложную, надо и можно просчитать, перебрав мыслимые варианты, “сценарии”. Скажем, на хорошем компьютере. Но невозможно просчитать повороты зрения, как этот наш маленький от остатка к выступу. Они загорожены от нас так, как сон загорожен от яви: мы *может быть* постоянно видим сны наяву, но... не видим их. Мы *возможно* постоянно своим телом, Софией своего тела и тем компьютером, который работает в нашем уме, постоянно проходим через подобные повороты, но... не замечаем их. Смена цивилизации, пределе смены игр, о котором мы говорили, — это поворот взгляда (*не* калейдоскоп простой! Потому что без даже попытки объяснить, как именно, но мы *чувствуем*, что этот поворот зрения, от круга-остатка к кругу-наплыву, имеет отношение к нашему положению в мире, к “логическому пространству” Витгенштейна, — что с таким

¹ ФИ — Философские исследования. См. русский перевод в кн.: *Витгенштейн Л.* Философские работы, часть I. — М.: Гнозис, 1994.

поворотом, или с подобным поворотом зрения меняется сразу всё, каким-то неясным образом, от нас скрытым опять же за подобным поворотом).

О том, что поворот принадлежит особому “логическому пространству”, говорит его легкость. Очень легко вдруг увидеть в круге остаток и так же легко *вдруг*, подчеркнем это слово, важное в истории философии, увидеть в нем наплыв. Движение в логическом пространстве сравнивается с идеальным скольжением по льду: если лед не взламывать, если он безупречен, то скольжение невозможно остановить, но его невозможно и начать. Как всё у Витгенштейна, здесь открывается солидная, надежная традиционность. *Буриданов осёл* располагается в логическом пространстве, где ему совершенно одинаково легко повернуть направо и налево, как одинаково легко сейчасную боль понять как *еще* боль и *еще* боль, как констатацию, что боль снова как бы появляется, и как констатацию, что она пока-еще-длится. Как от Парменида, у которого бытие всегда-всё-так-же-длится, легко перейти к Гераклиту, у которого бытие каждый раз появляется совершенно заново. (!)¹ Чтобы повернуться — ослу — вправо или влево, надо оттолкнуться; что в логическом пространстве невозможно, нёоткуда.

Два примечания, довольно важные, по ходу дела. Первое. Философия потому не стареет, что такие вещи, вспышка, граница, парменидовское “то самое” (бытие), гераклитовская молния, буриданов осёл не когда-то, а для каждого из нас прямо теперь; и второе, выход в это пространство не через сверхусилие подвига, не через проламывание стен, как Шестов, или через протискивание через узкий каменистый (или каминный?) проход как Платон, и не через стекло, как говорят, что расстроенные умом как бы отделены стеклянной стеной от реальности, а действительно — как говорит Витгенштейн, как буриданов осёл, совсем простым поворотом (Буриданова осла губит не необходимость усилия, а наоборот *ненужность* никакого усилия для выбора, связки сена *одинаковы* и одинаково близки; невозможность выйти в открытую дверь вызвана тем, что *не нужно* для этого никакого шага, без поворота головы и без напряжения, без протекания времени и процесса мы всегда уже глазами, умом, телом *там же* где выход, но выход отделен от нас как сон от яви, как видение круга-остатка от видения круга-выступа).

¹ Таким знаком обозначены места текста в машинописи, отмеченные В.Б. на полях восклицательным знаком (в ходе чтения и последующих редакций).

Наверное, вы обратили внимание, что “неуклюжим” выражение “моя рука движется”, — и таким же неуклюжим мы опознали выражение “еще боль”, — называет человек, для которого “с обычным языком всё в порядке”.

Противоречия нет. Неудобство здесь такого же рода как неуклюже тело, с которым всё в порядке; так может вводить в заблуждение красота, с которой тоже всё в порядке.

Сдвиги, смещения в теле и языке не только возможны, но они и необходимы *именно из-за законченной определенности мира, тела и языка*. В теле ничего не изменяется от поворота, или как говорит Витгенштейн “превращений”, *Verwandlung* (ФИ II XI, р. 521). Можно думать о случайности или неслучайности этой параллели: “Превращение” — название рассказа Кафки, где тело героя меняется. В витгенштейновском “превращении” тело как раз *не* меняется, вы начинаете видеть выступ вместо остатка, так сказать, не мигая. Ничего в “физике”, так сказать, или в географии ландшафта не меняется!

Я повторяю: я читаю Витгенштейна 1933/34 года глазами Витгенштейна 15 лет спустя, но в раннем всё уже содержится. *Физиологическая* общность боли установлена. Общая кисть *одинаково* болит у А и у В. Сказать ли, что у А моя боль, или та же общая нам боль, или что я знаю только свою боль, а у А, наверное, какая-то подобная, — это в *физиологии* ничего не меняет, физиология всё та же. *Почти что* Витгенштейн говорит: что за разница, как называть, всё зависит от употребления, а так хоть груздем, только не в кузов. И вдруг: “Смена одежд или имен может означать очень много или очень мало” (ВВ 93). Очень мало — только переименование физиологии или географии. Очень много, страшно много — повертывание зрения, для которого не нужно в географии и физиологии *ничего*, но которое, если хотите, грознее (я думаю о грозе, о вспышке, о молнии, о границе), чем любое материальное изменение. В географии России и в физиологии ее жителей с 23 по 27 февраля 1917 года ничего не изменилось, но попробуйте сказать, что изменился только строй, монархия на республику. Это изменение монархии на республику было уже вторичным и беспомощным способом назвать неименуемое, незаметное, вдруг, как вспышка, изменение *взгляда*, как от круга-остатка к кругу-выступу.

Но в 1933/34 г. с такой ясностью мы еще не читаем. Там можно понять так, это “очень много или очень мало, внезапное легкое повертывание”: психологически. Есть для этого и повод в тексте

(речь заходит об “ассоциациях”). Тогда — на горизонте появляется тривиальный образ философии: она просто дает другие имена вещам. При других “ассоциациях”. Тогда всё сводится к лингвистике? Лингвистическая философия, как классифицируют Витгенштейна? Вот уж как бы не так. Речь идет уже тогда, в 1933/34 — и уже в TLP¹ — о вещах вроде того, о чем я говорил: мы с совершенно одинаковым основанием, не нарушая ни в чем феномены, можем сказать о моменте захваченности мыслью, например, “еще” и “еще”: 1) ах-пока-еще-кое-как-и-каждый-раз-всё-равно-ведь-негарантированно я-способен-к-каким-то-новым-идеям- и: 2) вот-еще-и-значит-всё-больше-и-что-удивительно-даже-не-нуждаясь-в-гарантиях. Точно как в круге мы с равным основанием могли видеть остаточность и выступание. И вот явно крайне небезразлично для нашего присутствия или даже совершенно решающее для него, влево или вправо повернет к одинаково достоверному понятию наш Бурдано осёл. Только в ситуации Бурдана осла возможен поступок. Другой МА пример: есть ли свобода у человека, который падает с башни? Он может быть в роковой, фатальной несвободе: возвращения уже нет. Он может быть <свободен> — если хотел и продолжает хотеть падения.

“Голубая книга” (ВВ 95): “Наш обычный язык, который из всех возможных систем обозначения тот, который пронизывает всю нашу жизнь, как бы жестко держит наш дух в определенной позиции, и в этой позиции он чувствует себя часто стесненным и имеет потребность в других позициях”. Это критика языка? Нет, как то, что тело бывает неуклюже и скованно — не критика тела.

Тогда это призыв к спортивным упражнениям, к гимнастике, к аэробике? Мыслительным?

Мы читали: смена имен может давать очень мало — и очень много. Дело не в смене имен, как не в активной смене положений тела. Дело в тех превращениях, которые могут происходить без *всякой* смены тела или имени.

ВВ 95: “Наш обычный язык *Unsere gewöhnliche Sprache, die von allen möglichen Bezeichnungssystemen dasjenige ist, das unser ganzes Leben durchdringt, hält gleichsam unseren Geist starr in einer Position,*

¹ TLP — Tractatus Logico-Philosophicus. Tagebücher 1914–1916 / Philosophische Untersuchungen. (Aus Schriften). Hrsg. von Rush Rhees. Fr. A. M., Stuttgart: Suhrkamp, 1970. Русский перевод: *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. Пер. И.С. Добронравова и Д.Г. Лахути. — М.: Канон + РОИ “Реабилитация”, 2011.

und in dieser Position fühlt er sich manchmal eingeengt und hat das Bedürfnis nach anderen Positionen”¹.

Две неувязки. Действительно ли Витгенштейн может хотеть смены языка? С обычным языком всё в порядке. И второе: как быть при несвободе *нөшевельнуться*? (на полях: А если нет свободы шевельнуться? — *Только тогда начинается настоящее превращение*). Фраза — один из витгенштейновских парадоксов. Она *одновременно* высказывает и нужду (окаменение духа), и выход (изменение языка), — и держит про себя в уме невозможность выхода, невозможность пробиться через границы языка, т.е. показывает — пожалуйста, приглашает — тот путь, по которому и ринется на самом деле “философская мысль” говорить свои бес-смыслицы и набивать шишки, с *другой* окаменелой позицией духа в результате. Показывает и выход, и тупиковость выхода, и *молчит* о той открытой двери, которая не требует ни смены языка, ни материальных действий для “смены позиции”. Путем освобождения от *мнений*.

Вот пример красивой смены позиций внутри естественного языка. В, идущий рука об руку с А вплоть до общности кисти, должен выбирать между “А имеет мою боль”, “у А подобная боль”, “у нас общая боль”. Но *солипсист* не будет иметь этого выбора, — для которого только его опыт действительный (ВВ 96), — допустим В оказался солипсистом, — интегрирует всё, что может сказать А, в свою жизненную историю, но разве не станет обращать внимание на *все* крики боли? Вся боль будет *его* боль, но поскольку для него нет *чужой* боли, то для него нет естественно и своей: он не имеет права сказать, это *моя* боль, не *ваша*, потому что никакой “вашей” нет. Фраза “у А боль, настоящая” для солипсиста невозможна; тогда невозможна и фраза “у В боль”! Он вместо нее говорит: “Имеет место настоящая боль”. Der Vorschlag des Solipsisten läuft darauf hinaus, daß man einen Ausdruck wie «Es gibt wirkliche Zahnschmerzen» statt des Ausdrucks «Schmidt (-der Solipsist) hat Zahnschmerzen» gebraucht².

Такого солипсиста обнять надо, принять? Не так спрошено: он не дальше от нас чем мы, потому что когда он по со-чувствию, по

¹ Наш обычный язык, который остается тем же самым во всех системах обозначений, который пронизывает всю нашу жизнь, держит наш дух как бы окоченелым в одной позиции, и порой он ощущает себя в этой позиции стеснённым и имеет потребность в других позициях.

² Предложение солипсиста на это сводится к тому, чтобы выражение вроде «имеется настоящая зубная боль» употребляли вместо выражения «у Шмидта, т.е. солипсиста, зубная боль».

физиологической симпатии услышит нашу боль, ему и в голову не придет ампутировать себя, отстранять от себя эту почувывшуюся ему боль: для него это всё та же “настоящая боль”. Но прекрасно! Und warum sollten wir ihm dieses Bezeichnungssystem nicht gewähren?¹

У солипсиста не будет в отношении боли противопоставления “настоящая-симулированная”, не будет подозрения, что, может быть, крик только *кажется* криком боли, а на самом деле актерство: всё, что почувствовано как боль, настоящей болью и будет признано. — Замены языка не произошло, изменение словоупотребления минимальное, может быть даже незаметное для неподготовленного взгляда. Но смещение взгляда, или чувства, или слуха решительное: для него вдруг исчезает, стирается граница между тем, что его задевает, задевать должно и тем, что его не задевает, не должно задевать: мир вдруг расширяется — для солипсиста! — и его начинает задевать всё задевающее, и далекое тоже.

Маленькое упражнение, теперь как раз в меру нашего знания Витгенштейна, и я потребую, чтобы вы его отчетливо решили.

BB 96: Der Solipsist, der sagt «Nur ich fühle wirkliche Schmerzen», «Nur ich sehe (oder höre) wirklich», äußert keine Meinung, und deswegen ist er dessen, was er sagt, so sicher².

1) Почему у солипсиста выражение “Только я чувствую настоящую боль” — не “мнение”?

2) Почему он “уверен” в том, что таким образом говорит?

3) Как у солипсиста может вообще появиться выражение “только я”? откуда оно?

Когда люди идут рука об руку физиологически соединенные нервами тело с телом, “моя”, “твоя” боль становится вопросом грамматики, и желательным *снятием* безысходных споров о том, моя ли боль у тебя, твоя ли у меня, сходная ли у нас боль, общая ли боль, будет *солипсизм*, когда при ощущении боли *в принципе, в корне* не возникает проблемы, чья она эта боль, твоя моя или еще кого-то другого: всё, что задевает, сразу, тем самым, именно потому что задевает, — *настоящее*.

Солипсист говорит: “Только я по-настоящему чувствую боль”. У него это не мнение, оно не может быть опровергнуто, ему не

¹ И почему мы не должны предоставить ему эти системы обозначений?

² Солипсист, говорящий «Лишь я испытываю настоящую боль», «Только я вижу (или слышу) по-настоящему», не выражает никакого мнения, и поэтому он так уверен в том, что говорит.

противостоит другое мнение, другое подозрение, типа “а может быть всё-таки и другой кто-то тоже чувствует что-то хотя бы типа боли”. Другого просто не видно. *Ничего физиологически, телесно, материально не меняется.* Солипсист просто снимает проблему моя–не-моя боль. Выражение “только я чувствую” у него значит: “если вообще где-то, в чем бы то ни было, как бы то ни было, открыто чувству, то это сразу вполне и всерьез собственное”, причем “собственное” переходит из, выскальзывает из круга юридической принадлежности в значение “настоящего”. Солипсисту всё *свое*, но свое тоже не в смысле принадлежности, а в том смысле, в каком мы говорили о “философии своего”. То упражнение на воспоминание собственного в собственном, своего-родного-родового-природного-настоящего в своем, которое мы много раз делали в том курсе,

Витгенштейн делает смещением, сдвиганием зрения, точнее своим уже сдвинутым зрением, которое он называет “своим солипсизмом”, “нашим солипсизмом” в ВВ 98.

Еще раз. Витгенштейн солипсист. Всё *собственно* (по-настоящему) увиденное, почувствованное, для него именно *собственное* в едином и полном смысле слова, где два значения, бытийное и приватно-юридическое, сливаются — *не* сцепляются, а именно *сплавляются* до неразличения. Здесь в точности, в полноте, на 100% совпадение с хайдеггеровским “всякое Dasein, вот-это-бытие, присутствие, всегда мое”, т.е. всё настоящее прежде всего и обязательно и прямо и безусловно задевает меня, мне свое; или, по-русски, можно соединить это у Хайдеггера и Витгенштейна в тавтологию: свое — свое; собственное — собственное; настоящее — настоящее, отдавая, возвращая своему и собственному и настоящему *полный*, весь размах, исторический, этих слов, в языке и философии, — размах который захватит и платоновскую идею как род, и парменидовское “само то, то самое”, и дельфийское и сократическое “узнай себя”, и кантовское и гегелевское “вещь в себе” и “в себе и для себя”.

Солипсистом, таким как сказано, Витгенштейн был всегда. Дневник, 2.9.1916: солипсизм, строго проведенный (streng durchgeführt), совпадает с чистым реализмом. Я этого солипсизма сжимается до непротяженной точки, и оставляет существовать координированную с ним реальность. От реальности тогда отнимается ее *чуждость*, принадлежность *чужим*, она становится *своей*, и всё в ней становится *собственным*, в смысле, о котором я говорил. В этой записи витгенштейновский солипсизм

распространяется не только на людей, но и на всё живое тоже: и на растения тоже, и на минералы тоже. Всё становится собственным, одновременно проверяется на собственность и принимается как собственное. Поскольку я не тело, а я единственно, *тело тоже теряет право называть себя “я”*, т.е. оно становится реалией среди других реалий, тел, мира, растворяется в мире. Я остается в мире *не частью, а самой границей*, — границей мира, т.е. границей собственно.

Мы называли *слово* вспышкой и границей, уже давно. Недавно мы предположили, что на существо слова указывает переход, превращение, такого рода (примеры мои, у Витгенштейна они другие) как переход своего в свое, собственного в собственное.

А я как тело? Часть мира среди других частей мира, животных, растений, камней и т.д. *Wer das einsieht, wird seinem Körper oder dem menschlichen Körper nicht eine bevorzugte Stelle in der Welt einräumen wollen*¹.

Это витгенштейновский солипсизм. Слово подобрано на свалке, из философских причуд. Читаем в справочнике: “В последовательном виде Солипсизм встречается крайне редко (напр., у французского философа и врача XVII в. К. Брюне)” (ФЭС, с. 599²). Нет, солипсизм в самом чистом виде, *streng durchgeführt*, процветает в XX в. у Витгенштейна. Как вам нравится такая хватка, такой цепкости? — Но это не солипсизм. — Нет, позвольте, простите, если уж в это туманное взятое на свалки понятие надо хотя бы для ориентира внести ясность, то у кого его лучше брать, чем не у этого Витгенштейна? До отчетливой крайности он по меньшей мере доходит. *Er wird Menschen und Tiere ganz naiv als ähnliche und zusammengehörige Dinge betrachten*³ (a.a.O., *Tagebüchern* 2, 9. 16).

В “Трактате” Витгенштейн настолько не задумывается о пересмотре этого солипсизма, что просто переписывает туда дневниковую запись (5.64). (Связь смены аспекта и солипсизма: при смене аспекта я становлюсь другим внутри себя). Он даже идет дальше дневника и требует, что если кому надо, всерьез, “непсихологически” говорить о я, то пусть идет от этого

¹ Кто в это всмотрится, тот не захочет предоставлять своему телу или человеческим телам преимущественного положения.

² Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989, ст. “Солипсизм”.

³ Он будет совершенно наивно рассматривать людей и животных как сходные и взаимопринадлежащие вещи.

солипсизма, иначе я повисает в воздухе, так или иначе, неизбежно; потом в “Голубой книге” будет видно, как Витгенштейн проверяет, про-веряет я своим солипсизмом. 5.641: “Есть, таким образом, действительно один смысл (= одно направление), в каком в философии может непсихологически быть речь о Я. Я вступает в философию через то, что «мир есть мой мир»”. (Сказано именно так: из “психологии”, из темной и текучей области, где неизбежно накопление и значит смена мнений, я “вступает в философию”, а иначе остается всегда в туманной неопределенности, — через *задевание миром меня*, и только через это: через “солипсизм”, через то, что всё-всё что я могу видеть знать ощущать — мое и некому больше встать между мной и “всем этим”, мне вверху не на кого сослаться; и не так, что “всё это” я сначала “воспринимаю”, а потом догадываюсь, что оно мое, а так, что навалившееся на меня, его так много и оно такое полное, оно *всё*, — и опять же не так, как мы говорим “всё, хватит”, “с меня этого достаточно”, “что всё на меня навалилось, пусть другие несут” (в *этом* смысле, возможности перепоручить, никаких “других” просто нет) (!), а “всё” это “всё” в смысле, который называется мистическим у Витгенштейна и который ни к “всему”-сумме, “всему”-решению ограничению, “всему”-коллективу отношения не имеет: “всё” как “хватит”-достанет, довольно для довольства и удовольствия, странного, ключ к которому надо искать, и о котором говорит предисловие к трактату: странное, не ожидаемое, парадоксальное у-довольствие там, где тебя захватило, захлестнуло так, что от тебя в завале вещей ничего не осталось, и именно потому, что ты принял это непомерное на себя одного и взял *собственно своим* (!), паническое “хватит” вдруг перешло в *хватит* надежды, “довольно” — в *довольно*, “полно” — в полноту.

Что нужно для превращения (*Verwandlung*) *хватит* в *хватит*, *довольно* в *довольно*, *полно* в *полно*, *своего* (моего личного) в *свое* (самому себе), *собственного* в *собственное* (не так, что я заставлю наконец общество иначе взглянуть на собственность, а так, что там, где я только что видел *собственное*, я начинаю видеть *собственное*)?

Витгенштейн: еще раз: для этого перехода не надо *ничего*. Е. г.: Эта черта (пример мой) едва выносит давление сверху. Эта черта едва выносит давление снизу. Когда я это уже сказал, переход давящей массы вверх или вниз от черты происходит

сам вдруг, а для того, чтобы увидеть эту массу постепенно перетекающей вниз или вверх, нужно специальное усилие воображения. Откуда берется это переключение? Разумеется от моих слов: я пригласил вас видеть одно и другое, мог бы пригласить видеть эту черту еще и иначе. Но сама внезапность, как бы готовность, готовность переключения, сам феномен или навык даже Umschnappen¹ мне не принадлежит: не я вас ей научил, вы как-то сами уже всегда умели переключать вдруг на *да* и *нет*, раньше чем выучили слова “да” и “нет”: сами слова вы сумели угадать как *да* и *нет* потому, что *переключение было вам уже как-то известно*. (!) Откуда? Оттого, что в домах давно уже теперь есть выключатели? Нет. Или наоборот выключатели есть потому, что человек настроен на такое легкое переключение? Настроен чем — родовым коллективным опытом, который постепенно внедрился, врос в каждого и стал второй натурой? Или наоборот, человеческая история и с ней родовой опыт стала такой потому, что есть *да* и *нет*, жесткое переключение на есть-не есть? Кто скажет сейчас: именно так; или: вовсе не так, — уже введет в действие то есть-нет. Кто скажет: кто его знает, отчасти то, отчасти это, — займет позицию отстранения от *да-нет*, которые как полюса он увидел раньше, чем выработал свою позицию отстранения от них, чтобы *не быть* в них, чтобы *не было* (опять решение о *да-нет*) ситуации, когда жесткое *да-нет*.

Теперь решите вот какой парадокс Витгенштейна. Запись 5.8.1916: “Представляющий субъект прекрасно может оказаться пустой фантазией [потому что им себе приписываемые свойства могут оказаться чужими процессами, которые он только по слепоте называет своими] (Ср. Трактат 5.631 — там будет сказано, что стоит нам начать анализировать мыслящего представляющего субъекта, как всё в нем будет разнято, растащено по ниточке на силы мира, всё окажется не его). Волящий [читайте: выбирающий, Wille-Wahl², на *да-нет*] субъект, однако, есть.

Если бы не было воли [читайте: выбора на *да-нет*], то не было бы и того центра мира, которое мы называем Я и которое является носителем этики.

Доброе и злое [опять т.е. на *да-нет*] по существу только Я, не мир”.

¹ обхватывание

² воля-выбор

Да? Почему? Потому что нигде в мире никакой анализ не выявит доброго-злого, просто потому, что нигде ни в вещи ни в птице ни в человеке ни в теле ни в ребенке ни в преступнике вы не увидите жесткого *да-нет*, они *вступают* (ein-treten) в мир откуда-то из за предела. Это так, с этим лучше не спорьте у Витгенштейна да и вообще.

Но теперь. “Доброе и злое по существу только я, не мир” — это запись 5.8.1916. Запись 12.10.1916: “Я есть мой мир”. И она тоже входит, как та запись, в трактат 5.63, т.е. Витгенштейн не спохватился, не пересмотрел. Он не заметил противоречия — доброе и злое только я; в мире нет доброго злого; я это мир?

Можно сказать еще отчетливее: если ни мысль, ни конструкция, а только воля-выбор по-честному принадлежат “мне”, то как я могу быть миром, ведь в мире как раз есть всё что угодно, кроме воли-выбора?

Я и мир тождественны, при том что и не принадлежат друг другу, и не имеют ничего общего между собой. В чем тогда тождество?

Мы, кажется, еще не накопили достаточно остроты, или напряжения, или размаха, чтобы расколоть этот орешек, подойти к *этому* парадоксу Витгенштейна. Отложим на потом, когда будем читать “Трактат”. Оставим это вопросом.

Пока мы прослеживаем, как от солипсизма дневника и “Трактата” через “наш солипсизм” “Голубой книги” эта “невероятная”, если читать справочник, принадлежность Витгенштейна строгому, крайнему солипсизму продолжается до “Философских исследований”. Как *только* такой солипсизм реабилитирует я, так только он вдруг спасает свое именование. *Только сам, только само. Само и так существует собственно свое.* Как нам нравится витгенштейновская хватка? Пойти на свалку, выбрать там самое бросовое, потому что в XX веке никто как раз о солипсизме серьезно не говорит, и прямо, решительно поставить всё на нем. Бросовой “солипсизм” возвращает вдруг чуть ли не к главному имени бытия у Парменида, само-самое; об этом было много в курсе “Чтение философии. Розанов, Парменид”¹.

“ФИ” 403. Другие люди не потеряли бы ровным счетом ничего, если бы вместо “моя боль” я говорил бы просто “боль”. Так говорил в “Голубой книге” солипсист, для которого нет твоего-моего и он открыт для боли без ее классификации по принадлежности; “люди

¹ См.: Бибихин ВВ. Чтение философии. – СПб.: Наука, 2009.

ничего не потеряют от этого” — еще мало сказано: они приобретут, их боль не будет отодвинута. Солипсизм замыкает-размыкает: я не знаю, знать не знаю о другом, — и *eo ipso* никто для меня не *другой*, не чужой. Солипсист не будет ампутировать свою физиологию. “Сращённая рука” была подготовкой к солипсизму. Изменится, правда, “нотация”: вместо “боль твоя”, “боль ее”, “боль их” придется, возможно, говорить “боль здесь”, “боль там” (ср. возведение местоимений к наречиям “здесь — там” у Гумбольдта и изложение этого места Гумбольдта в “Бытии и времени” Хайдеггера¹). Три последних фразы этого § 403 я прочитаю, тем более что переводчик, новый, этого места не поверил, что Витгенштейн может быть солипсистом, — возможно потому, что переводчик хорошо относится к Витгенштейну, — и оказал ему услугу: в одной фразе вместо защиты солипсистского способа выразаться подстроил так, что Витгенштейн защищает *антисолипсистский* способ выразаться; в другой фразе выбросил витгенштейновское авторское “Я”, как будто не он высказывает солипсистский тезис, а кто-то другой; а в третьей фразе вставил, наоборот, “и” перед “солипсист”, чтобы получилось, что если *и* солипсист думает как я, то значит я-то уж не солипсист. Идет, понимаете ли, прямо в тексте Витгенштейна и с любым изменением этого текста, всё для пользы самого же Витгенштейна, его оправдание, что он никак не солипсист. — Итак, эти три фразы: “Вовсе не возражением против этого способа выразаться [говорить просто «есть боль», вместо твоя-моя-его боль] будет, естественно, сказать: «Но у других точно то же самое, что у тебя!»

Опять же, что я имел бы от этого нового способа представления? Ничего. Но солипсист и не хочет ведь себе никаких практических выгод, когда он защищает свое воззрение!” Вот так. Каким бы ни был Витгенштейн, в переводе он станет таким, каким его хочет иметь переводчик.

Надо было отвлечься на солипсизм и сделать это необходимое определение: Витгенштейн солипсист. Теперь вернемся к делу, для него нужно было прояснение солипсизма.

Ни на солипсизме, ни на чем Витгенштейн лениво не остановится, суть не в позиции, а в работе. Работу можно начинать откуда угодно. Хотя бы с этого — каким бы ни был Витгенштейн, в переводе он будет такой, каким его видит переводчик. От этого никуда не денешься: кто бы что ни видел, я вижу это видение так,

¹ См. Хайдеггер М. Бытие и время. § 26, с. 119.

как я вижу его. Хотите на этом остановиться? Но не Витгенштейн. Для него покоя нет.

ВВ 98: “Не раз самым убедительным выражением для нашего солипсизма кажется следующее: «Когда что бы то ни было увидено (действительно *увидено*), то всегда я есмь то, кто это видит»” (“Manchmal scheint der überzeugendste Ausdruck für unseren Solipsismus folgender zu sein: «Wenn irgendetwas gesehen (wirklich *gesehen*) wird, dann bin immer ich es, der es sieht»”).

Что не так в этом “выражении”? Да бросается же в глаза ляпсус!

Откуда в солипсизме *я*? Его там не ожидается, потому что нет *ты* и *он*. — Или это совсем особое *я*, такое, что ни на горизонте ему нет ни другого *я*, ни *ты*.

“Что нам бросилось бы в глаза в этом выражении, это «всегда я». Всегда *кто*? — Потому что странным образом я не подразумеваю: «Всегда Л.В.»” “Was uns an diesem Ausdruck auffallen würde, ist das «immer ich». Immer *wer*? — Denn, seltsamerweise meine ich nicht: «Immer L.W.»” Что никакому *я* в солипсизме неоткуда взяться, это само собой. Но почему не “Людвиг Витгенштейн”? Он сам не знает, ему странно, что “Людвиг В.” на центр мира не ложится (субъект центр, вокруг которого всё). Не от скромности, а существеннее: будем перебирать, может быть, оттого, что Л.В. предполагает одну личность, т.е. в конечном счете *я*, среди прочих? Или личность, как мы уже догадались, не *я*?

Ну “давайте порассуждаем”, как сказано в одном современном переводе якобы Хайдеггера, что такое личность, что такое *я*. Смертельная тоска берет сразу. Для Витгенштейна — мы знаем к счастью — такие рассуждения запретны, как садиться на исчезающий стул. Он сделает сейчас один из своих немислимых ходов, предсказать который *строго говоря* так же невозможно, как вычислить заранее *Verwandlung*, внезапное и легкое изменение взгляда. — Уточним сейчас ту “легкую трудность”, о которой говорили на 9-м занятии (а это 13-е) по поводу дневника 29.9.1914: Die Lösung aller meiner Fragen muß höchst einfach sein!¹ в связи с *facilis c difficultas*. Эту “легкую трудность” надо понимать как *трудность легкости*, как *неожиданное* для трудящихся существ, какими мы все стали в нашем Египте, что главные вещи существуют именно потому, что они *просто так*, не требуют *никакого* усилия в авто-матике мира, — и не потому что мир или Бог будет за нас работать, а потому что мир и Бог устроены с *такой*

¹ Решение всех моих вопросов должно быть в высшей степени простым.

легкостью, неприступной, потому что она не сравнительная легкость, а абсолютная, существует как, скажем, абсолютное скольжение или сверхпроводимость или невесомость, всё это только далекие примеры. Трудность изменения зрения в том, что оно абсолютно легко, переключение *не* требует усилия, даже такого, какого требует переключение электрического выключателя, — ни “философского” усилия, ни психологического, ни социального, ни траты времени: происходит вдруг. Просто поверить в такую легкость трудно. Соблазнительность устраняет вот чем — Но как легкость тут абсолютна и нам не под силу, так и трудность тоже абсолютна и неуловима: она в том, что — я сказал — вычислить, подготовить, подстроить, сконструировать переключение невозможно, оно неожиданно *всегда*, по определению. —

Не “что такое личность?” спрашивает Витгенштейн, а обращает внимание: как мы обычно опознаём личность, говорим например, “это та самая личность, которую я видел час назад” (ВВ 98). В общем-то по лицу, по “явлению моего тела”. “Мое тело меняет свое явление [свой внешний вид, *appearance*, «Голубая книга» продиктована по-английски, зря я ее цитирую по-немецки, мне правильно заметили, — но так и так всякий раз пришлось бы догадываться, а как это должно было бы быть по-немецки, так сказать, в натуральном виде; этимология *appearance*, от лат. *pario* готовить, собираться, намереваться, того же корня, что *pario* рожать, производить, т.е. внешний вид, явление, это как бы подготовка, предупреждение, накапливание чего-то, *на-мерение*] — мое тело меняет свое явление, внешний вид, только постепенно и относительно мало, и подобным образом мой голос, характерные привычки и т.д.”. Теперь *представим*, представляет Витгенштейн, ВВ 99, что все человеческие тела, сколько их есть, выглядят совершенно одинаково, и определенные наборы характерных черт как бы меняются, переходят из одного тела в другое такое же точно. Мы бы тогда, наверное, давали бы разные имена не этим совершенно одинаковым телам, как мы не даем разные имена совершенно одинаковым стульям в столовой или гостиной, а именовали бы группы, наборы, комплекты тех характерных черт, скажем одно имя для сочетания мягкость-высокий-голос-медленные-движения, — другое для холерического темперамента, низкого голоса, угловатые резкие движения.

Это предположение штампованных одинаковых тел, еще более фантастическое, чем сращение кистей рук, на самом деле работает на исключение личности-вещи, возвращает к исходному и в

частности библейскому пониманию лица как намерения, порыва, воли. (!) Вы помните по курсу “Собственность”, где мы разбирали “Философию права” Гегеля, что Гегель понимает лицо как *волю*. На самом деле различие людей по *воле*, доброй или злой, настолько весомее различия их фотографий, что можно спокойно делать то, что предлагает Витгенштейн: фотографическим различием просто пренебречь; видеть, что человек несет в себе. Или еще резче, еще отчетливее и окончательнее: предположим, что у каждого человеческого существа два облика: лицо, рост, характерные черты поведения периодически *полностью* меняются. Т.е. в норме человек имеет два состояния, и вдруг — *внезапно* — переходит из одного в другое. “Очень правдоподобно, что мы в таком обществе были бы склонны крестить каждого человека двумя именами и, возможно, говорить о двух личностях в его теле. Доктор Джекил и мистер Хайд были бы двумя личностями или они были бы одной и той же личностью, которая только меняется?” (BB 99) (Robert Lewis Stevenson, 1850–1894, “Strange case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde”, роман 1886). Не обязательно, многозначительно заканчивает параграф Витгенштейн, говорить в этом случае о двух личностях. Почему?

Мало вам фантастических *совершенно* невероятных предположений? Вот вам еще одно. Представьте себе человека, который по четным дням прекрасно помнит всё-всё, что с ним было в четные дни его жизни, и совершенно не помнит, что происходило в нечетные дни. Правда дикое предположение, так совсем не бывает? А в нечетные дни он помнит, что было по нечетным дням, но не по четным, и без малейшего ощущения прерывности. Не мешает, если хотите, предположить, что его телесный вид и характерные черты тоже меняются по четным-нечетным дням, это уже не так существенно. Тут две личности или не две личности?

Ответ (BB 100): ни то ни другое. *Обычное* применение слова “смешанное”, мы то говорим, что *личность* одна и та же может меняться внутри себя, то говорим, что человек один и тот же стал другой личностью, да еще и то и другое словоупотребление как-то текут.

Теперь вернемся к солипсисту, т.е. к каждому из нас. Он всегда всё видит *сам*, и всякое чужое видение знает только в той мере и так, в какой и как видит *сам*. *Сам* здесь не какая-то определенная сущность *я*, три якобы фантастических, на самом деле просто показывающих нас нам самим предположения Витгенштейна (опознаётся никогда не главное; главное воля добра-зла; мы

помним-знаем-сознаём всегда только половину нас, вторая половина ампутирована, вырвана, украдена у нас), о какой-то сущности “я” говорить уже тем более странно, — в видении постоянен сам *опыт видения*, и лучше говорить не “Я вижу”, а показывать на глаза. Видит видение, сказал бы Хайдеггер. У Витгенштейна в “Трактате” (5.542) мы уже знаем общую формулу феноменологической редукции, этой, отрезвляющей: вместо

А имеет-в-виду *p* — лучше “*p*” имеет в виду *p*

Но только *какие* глаза? Ведь не *физическими* же глазами мы видим? Ведаем. По-английски *see* тоже значит “понимать”. *Как* указать на те глаза, которыми мы видим? *Где* эти глаза? Они *нигде*: они всегда сама граница, определяющая и неопределимая, потому что для того чтобы указать на глаза, я уже должен иметь способ видеть глаза. Можно увидеть глаза?

Например в зеркале. — О глазах в зеркале можно сказать, пользуясь различием Витгенштейна между “ложным” и “бессмысленным”. Что это в зеркале *глаза*, сказать будет не *ложно*, ведь никто всё равно не скажет, что там в зеркале глаза, так чтобы его надо было опровергать доказательством его лжи, но *бессмысленно*. Ложь это то, что можно исправить добавлением информации, но в глаза в зеркале оптической информации добавить невозможно: они *точно те самые* глаза, и всё равно называть их “глазами” бессмысленно. — Какого рода эта бессмысленность? Что собственно бессмысленно, казалось бы, ничего: во всём есть какой-то смысл. Всё со всем связано, всё на всё указывает, всё всему символ; любые две вещи можно связать, сблизить многозначительной связью. Что глухо, безусловно бессмысленно? Есть ли род таких вещей?

Есть такой странный род. Мы с ним встретились на 4-м занятии 4.10.1994 года: нарушение грамматики просто бессмысленно, оно встречает в ответ *только* глухое недоумение; попробуйте, не будучи отмеченным лицом, будучи обычным, в *обычном* языке нарушить малейшее правило общепринятой грамматики. Получится легко исправимая *бессмыслица* и неисправимая, тупиковая *бессмысленность*, не-заглаживаемость такой ошибки. Строго говоря, ошибка, например в числе, даже не ошибка, для этого и название ищут другое: *сморозить*. “Сморозить” (глупость) — значит влипнуть в глухую, тупую, бессмысленную, никому не нужную, никому не годную ошибку. Есть предположение, что

“сморозить” идет от семинарского жаргона от греч. *μωρία* глупость вот уж действительно тупая, беспросветная. Так у апостола Павла взаимно называют себя мирская мудрость и христианская мудрость. — Такая смороженная глупость не ложь, не обман, она сразу себя выдает и без всякого опровержения.

Теперь. Слово “торпеда” происходит от испанского и латинского *torpedo* электрический скат или вроде того и от действия этой рыбы: *torpēo*, *torpēre* коченеть, столбенеть, но и тупеть; *torpor* тупость. Состояние той беспросветной бессмыслицы, о которой я говорил только что. Греческое название рыбы *torpedo* — *νάρκη*, откуда наркоз, оцепенение.

Наркоз, в состоянии которого мы, возможно, ведем себя так как ведем, по последней записи “*Über Gewißheit*”¹, — причина тех нелепых, плашмя и тупо, ошибок, которые не ошибки, а хуже, бессмыслицы, и от которых мы бьемся головой о каменные стены и получаем шишки. Философская грамматика не обязательно сможет принести выздоровление, не принесет конца наркоза, но выполнение ее требований избавит от травм, которые неизбежны в шоке, в электрошоке, когда — в шоке — человек вовсе не перестает двигаться, но как он движется: так, что лучше бы не двигался.

Если я подставил ферзя слону (ВВ 107) на обмен, это ошибка; но если я упорно двигаю вперед пешку, чтобы провести ее в короли, это уже не ошибка, а та тупая бессмыслица, то “сморозить” или еще тупее, от чего только стыдно и не больше, — где *стыдно*. Запомним это появление *стыда* в глухой бессмыслице, в *смороженной* глупости, в “мори”.

Смотреть в зеркало и думать, что там Я, — тоже не ошибка, а бессмыслица. Так никто не делает, так никто не думает; если мне такое случится сделать, мне будет неловко и стыдно.

Так я знаю, так я веду себя по четным дням. Что я делаю по нечетным дням, я по четным дням абсолютно не помню. А по нечетным дням я с открытыми глазами, уверенно и смело делаю эту ошибку, ошибку — не ошибку, бессмыслицу, провожу пешку в короли, проецирую себя в местоимение Я и думаю, что я там, в Я, точно как если бы думал, что я в зеркальном изображении.

Смотрите что получается. Я может участвовать во многих языковых играх, но в любом случае оно само входит и “меня” встраивает в систему я-ты-он-она-они-мы. Я *сначала*, прежде всего отграничивает себя от не-Я. Такое отграничение бессмысленно в

¹ “О достоверности”.

некоторых случаях. В каких. Пример Витгенштейна: если я по-настоящему кричу от боли, то *невозможно* (ВВ 107), чтобы я считал кого-то другого за себя. Прошу теперь внимания, сейчас важно. В каком смысле *невозможно*, чтобы я кричал от боли, по-настоящему, и принимал кого-то другого за себя.

Это *не* “невозможно” в смысле “не бывает”. Так не только бывает, но так бывает *всегда*. *Всегда* в момент шока, резкой травмы нам кажется, что это происходит не с нами, — или мы впадаем в состояние, описанное поэтом Заболоцким, когда во время допросов он и говорил, и действовал, но без сознания. Шоковая утрата сознания вещь известная. Покойный профессор права Август Алексеевич Мишин говорил об этой странной внезапной смене *я*, когда в гостях под тобой подламывается ножка стула, ты падаешь и первое, первая мысль: это происходит не со мной, с кем-то другим. Не только не “невозможно”, но именно в боли я “сам не свой”. Т.е. я становлюсь проблематичным. И витгенштейновское “невозможно, если я *по-настоящему* кричу от боли, чтобы я считал кого-то другого за себя”, — это невозможность пройти *мимо* того чтобы обнажился вопрос о *я*, кто такой по-настоящему *я*.